

Последняя встреча с Г. В. Плехановым.

В ближайшие недели после объявления европейской войны и голосования военных кредитов я получила письмо от Г. В. Плеханова с просьбой приехать к нему в Женеву. Меня эта просьба удивила, так как деловых, партийно-фракционных сношений с Г. В., могущих объяснить такое приглашение, у меня не было и потому что я знала, с какой деликатностью и бережливостью он относится к чужому времени, как неохотно он затруднял кого бы то ни было.

Несмотря на недоумение, вызванное полученным приглашением, я, конечно, решила последовать ему, как только смогу оставить Милан. Не успела я ответить Г. В., как уже получила второе письмо такого же содержания, написанное по поручению Г. В. женой его Р. М.; Р. М. просила меня немедленно приехать и сообщала, что если мне невозможно исполнить просьбу Г. В., он сам приедет ко мне в Милан. Я не догадывалась о причине вызова, и, несмотря на то, что Р. М. в письме упоминала о „бедной Бельгии“, я все еще была бесконечно далека от настоящего повода вызова, точно также, как и от предположения, что у Г. В. могло быть другое отношение к войне, чем у марксистов вообще... То, что ожидало меня по приезде в Женеву, так поразило меня, так врезалось мне в память, настолько интенсивно переживалось и переживается мною еще и теперь, что мне трудно воспроизвести это свидание во всех его объективных и субъективных деталях.

Читателям моего поколения не трудно представить себе, как я относилась к Г. В. Говорить о нем только как об учителе, руководителе, вдохновителе, о писателе и ораторе, каждое слово которого с жадностью мной ловилось, недостаточно.

Ему, наряду с Марксом, Энгельсом, Антонио Лабриола, я была обязана приобретением и углублением своего материалистического, марксистского мировоззрения. К тому же я имела случай очень часто лично встречаться, беседовать с Г. В. на конгрессах и заседаниях бюро, на митингах и собраниях в Швейцарии и в особенности в Италии, где мы с ним виделись очень часто, в самой разнообразной и непосредственной обстановке. Он был для меня всегда гармоничным воплощением интеллектуального и морального благородства.

Г. В. встретил меня, когда я рано утром с вокзала приехала к нему, следующими словами:

— Что ваша партия и вы сами собираетесь делать при создавшемся положении?

— Партия постановила всякими средствами воспрепятствовать войне и я приложу все усилия, чтобы помочь ей в исполнении этой, без сомнения, трудной и сложной задачи, — ответила я.

И только когда Г. В. взглядом холодным, суровым, стальным ответил мне и прибавил: — Вот как! А где ваше благородство! Где ваша солидарность с погранной Бельгией, где ваша любовь к России, — я начала понимать, что стряслось нечто ужасное, непостижимое. Я поняла, что говорить уже не о чем... уж не за чем.

Г. В. был очень взволнован, еле владел собой. Решив с первым поездом уехать обратно в Милан, я терпеливо выслушивала колкие намеки Г. В. Я поняла, что его страстная натура не в состоянии была сдерживаться и, убедившись

в том, что всякая попытка спорить, рассуждать напрасна, я старалась не заговаривать ни о чем таком, что могло его раздражать. А Г. В. продолжал... Франка, отправившегося волонтером на войну, и с которым задолго до объявления войны я прекратила личные отношения, убедившись, что за его радикализмом кроется оппортунизм и тщеславие; Гаазе, прочитавшего декларацию фракции при голосовании кредитов и других немецких с.-д. Г. В. почему-то называл „моими“. С наименьшей страстью говорил он о том, с каким бы удовольствием он ударом сабли покончил бы с любым из „моих“ „немецких товарищей“, о своей готовности соединиться с готтентотами, лишь бы истребить немецких варваров.

Сутки, проведенные мною в Женеве, были для меня медленной пыткой, довершением которой явилось то, что от Г. В. мне пришлось впервые услышать, в присутствии какой-то французской обывательницы, столь презренное выражение „boches“.

С первых слов Г. В. во мне словно что-то надорвалось. Эти глубоко трагические переживания еще увеличили мою солидарность с моими итальянскими товарищами, желание помочь им остаться верными Интернационалу.

В Женеве меня осенила мысль о том, что предстоит относительно маленькой, не пользующейся особым влиянием в Интернационале итальянской партии... До поездки в Женеву я представляла себе, что борьба тяжелая, длинная разовьется по другой линии: коалиция буржуазии всех оттенков против рабочего движения, реформисты, зараженные мелкобуржуазным патриотизмом — против революционных марксистов в недрах Интернационала. В Милан я возвращалась с другой перспективой...

Через некоторое время, когда Муссолини, открыто изменивший пролетарскому Интернационалу, был исключен

нами из Ц. К., а затем и из партии, его тузом против нас явилось интервью с Г. В. против наших стараний удержать Италию от вступления в войну, против нашего нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам, против наших интернационалистических лозунгов...